

Жанр: постапокалиптическая научная фантастика
с элементами антиутопии и боевой фантастики

Плавучие острова:

Эпоха дождей

Скачков Е. А

Евгений Скачков

Плавучие острова: Эпоха дождей

«Автор»

2026

Скачков Е. А.

Плавучие острова: Эпоха дождей / Е. А. Скачков — «Автор»,
2026

«Плавучие острова: Эпоха дождей» — это история о том, что происходит с человечеством после того, как оно дважды уничтожает свой дом. Первый раз мы сделали это сами, развязав атомную и химическую войну в 2090 году. Второй раз природа просто довершила начатое, укрыв планету бесконечным ливнем. Это книга не столько о конце света, сколько о его последствиях. Когда вода поглотила материки, люди не исчезли. Они научились выживать на плавучих городах из ржавых лайнеров, в изолированных крепостях на вершинах гор и в мутных глубинах затопленных руин. Но мир изменился не только снаружи. Радиация нового мира переписывает саму биологию человека, пробуждая то, что раньше считалось вымыслом или уродством. В центре повествования — юноша Кай, способный чувствовать шторм до первого порыва ветра. Его дар становится единственной надеждой для города «Волна», но вместе с тем делает его мишенью для тех, кто видит в эволюции лишь новый инструмент власти.

© Скачков Е. А., 2026

© Автор, 2026

Евгений Скачков

Плавучие острова: Эпоха дождей

Пролог. Последний рассвет над старым миром

2090 год навсегда выжжен на сетчатке тех немногих, кому посчастливилось — или не повезло — застать его конец. Это был не оглушительный взрыв и не ослепительная вспышка, как рисовали в старых, пред апокалиптических, фильмах. Мир умирал долго, мучительно и буднично. Он задохнулся под собственной тяжестью ещё до того, как небеса разверзлись бесконечным плачем.

Люди сами выковали свой коллапс с пугающей методичностью. Атомные грибы распускались над континентами не от внезапной ярости генералов, а из-за сбоя в нейросетях автоматического ответного удара, которые приняли стаю перелетных птиц за армады ракет. Химические арсеналы вскрывались по цепочке: одна утечка провоцировала панику на соседнем объекте, где перепуганный техник рвал аварийные рубильники, выпуская ядовитые облака в атмосферу. Паника стала главным оружием массового поражения. Хаос больше не нуждался в приказах; он обрел цифровую плоть, алгоритмический разум и пожрал глобальные логистические цепи. Супермаркеты опустели за три дня, электросети легли под весом миллионов подключенных к ним машин последней надежды, а океаны поглотили континенты пепла от сгоревших лесов Амазонии и Сибири. Когда радиоактивная пыль наконец начала оседать, вместо городов остались лишь изъеденные эрозией скелеты небоскребов, похожие на гнилые зубы во рту мертвеца, а вместо улиц — бурлящие потоки черной, маслянистой воды.

Дождь начался спустя неделю после тишины. Сначала робкие капли, затем свинцовые ливни, барабаниющие по остовам перевернутых машин. Дождь шёл неделями, сливаясь в сплошную стену воды, потом месяцами, вымывая из почвы остатки ядов, а затем просто стал вечным спутником планеты. Солнце превратилось в тусклый, болезненно-желтый фонарь, вечно скрытый за клубящейся мглой. Вода поднималась неумолимо, сантиметр за сантиметром, метр за метром, затапливая мегаполисы, смывая память о прежней цивилизации вместе с её библиотеками, музеями и костями. Великий Архив растворился в соленой бездне Атлантики, так и не успев передать свои знания тем, кто пришел бы следом.

Человечество раскололось. Те, кто успел осознать масштаб катастрофы, поднялись выше: на последние незатопленные горные вершины Памира, Анд и Тибета, где разреженный ветер был суровым, пробирал до костей, но воздух всё ещё оставался чистым от спор мутировавшей плесени. Они строили там каменные цитадели, отгораживаясь от мира стенами паранойи. Другие спустились вниз, навстречу стихии. Они строили плоты из обломков чужих судеб и ржавых платформ, цеплялись за выступающие мачты затопленных авианосцев, превращая кладбища танкеров и сухогрузов в плавучие трупы, скрепленные гнилой веревкой и отчаянием. Между этими двумя кастами началась тихая война за ресурсы — за сухой спирт, чистую воду, патроны и не плесневеющие семена.

Именно в этот момент, когда казалось, что вид *Homo sapiens* окончательно проиграл битву за собственную планету и вот-вот захлебнется в собственном дерьме и мазуте, начали проявляться первые признаки новой эволюции. Она не была изящной или божественной. Радиация, тяжелые металлы и синтетические токсины, миллиарды лет, спавшие в земной коре и теперь разлитые по миру, меняли тела выживших грубо, хирургически безжалостно.

Эпоха чудес закончилась, наступила эпоха жестоких мутаций. Клетки перестраивались, чтобы выжить. Кто-то становился сильнее, наращивая на костях асимметричные каллусы, способные дробить сталь. Кто-то обретал невероятную скорость реакции, платя за неё постоянной дрожью и ранней слепотой. У кого-то отрастали жаберные щели вдоль ребер, позволяя дышать отравленной водой, но вызывая невыносимую боль на суше. А редкие единицы обретали способность чувствовать искажение магнитных полей — чуют приближение шторма или чужой агрессии задолго до их появления, ощущая кожей покалывание статики.

На одной из таких плавучих платформ, собранной из трех сваренных между собой корпусов нефтеналивного танкера «Восточный горизонт», среди лабиринтов ржавых контейнеров, натянутых брезентовых тентов и постоянного запаха озона, жил юноша по имени Кай. Его мир пах мокрой ржавчиной, прелыми водорослями и жженой изоляцией. Он родился уже здесь, в колыбели из переборок, и не знал другой жизни.

Кай не знал, что странное чувство пустоты под ложечкой, которое всегда предваряло падение барометра, было не дурнотой, а даром. Что его способность предчувствовать штормовые воронки за час до их появления станет единственным ключом к выживанию для пятитысячного города-платформы, отчаянно пытающегося обогнуть эпицентры подводных тектонических разломов. Не знал он и другого.

В самом сердце этого железного левиафана, в тени гигантских лопастей ветряных турбин, которые со скрипом перемалывали влажный воздух, ютился старый шаман Илай. Его тело представляло собой карту страданий: кожа напоминала потрескавшийся пергамент, один глаз давно вытек, замененный тусклым куском корабельного стекла, а пальцы ног срослись в ластообразные перепонки. Старик проводил дни, раскачиваясь в гамаке из грузовых строп и слушая, как вибрация двигателей резонирует с его собственными костями. В своих горячечных видениях, приходящих к нему вместе с приступами лихорадки, он уже видел Кая тысячи раз. Видел нечеткий силуэт юноши, стоящего на самой высокой точке бака по пояс в ледяной воде, с раскинутыми руками, принимающего на себя гнев океана. Видел, как вокруг него успокаиваются девятибалльные волны. Старый шаман ждал нужного циклона. Ждал ту самую ночь, когда дар мальчика созреет, сорвется с цепи и поведет этих изуродованных, отчаявшихся людей сквозь Великую Бездну к мифической Новой Земле, координаты которой стерлись со всех карт еще полвека назад.

Глава 1. Город на воде: первый шторм

Плавучий город «Волна» не был городом в привычном понимании этого слова до Великого Потопа. Это была чудовищная, гротескная химера, сшитая из ржавого отчаяния и инженерной смекалки людей, которым больше некуда было бежать. Его ядром служил некогда белоснежный круизный лайнер «Царица морей», чей правый борт теперь навсегда ушел под воду, а левое крыло прогулочной палубы служило главной площадью поселения. К нему, словно пиявки к умирающему киту, присосались два контейнеровоза класса Panamax, военный эсминец без радара и орудийных башен, превращенный в плавучую электростанцию, и добрая дюжина разнокалиберных барж. Все это месиво удерживалось вместе километрами стальных тросов толщиной с человеческую ногу, сварными швами, которые лопались от усталости металла каждую вторую неделю, и отчаянной верой пятитысячной толпы в то, что их ковчег не развалится сегодня ночью.

Здесь не осталось ни капли роскоши прежних времен — только голая, пахнущая озоном и гнилью функциональность. Каждый квадратный метр пространства стал предметом жесточайшей борьбы. Бывшие бассейны превратились в гидропонные фермы, где под тусклым светом синих ламп росли бледные клубни батата и жесткие водоросли. Шлюпочные палубы застроили двухъярусными капсулами из гофрированного железа, двери которых никогда не запирались, потому что замков просто не существовало — красть у соседа означало подписать себе смертный приговор при первой же утечке топлива. Вентиляционные шахты дышали зловонием дизельных выхлопов, прелой рыбы и человеческих тел, скученных так плотно, что по ночам можно было услышать биение чужих сердец сквозь переборку. Единственным украшением города были гирлянды сушеной рыбы, развешанные между мачтами, да самодельные флюгеры из консервных банок, вечно скрипевшие на ветру.

Кай стоял на самом краю внешнего трапа, ведущего к пришвартованной барже-складу. Босые ступни чувствовали мелкую, нервную вибрацию воды через проржавевший алюминий лучше любого сейсмографа. Ему было семнадцать, но его глаза цвета мокрого пепла смотрели гораздо старше. Он смотрел не на горизонт, а как бы сквозь него, расфокусировав взгляд. Воздух вокруг тяжелел стремительно, приобретая тот особый металлический привкус, который всегда предшествовал большой беде. Давление падало так резко, что у непривычного человека заложило бы уши до боли; вода под платформой начинала волноваться мелкой рябью, хотя ветер еще оставался обманчиво тихим.

— Будет шторм, — тихо сказал Кай, даже не оборачиваясь. Он знал, кто стоит за его спиной, едва заслышав характерное поскрипывание кожаного ремня с тяжелой кобурой гаечного ключа.

Старший механик Раф тяжело выдохнул облачко пара. Он протирал огромные, покрытые маслянистыми мозолями руки промасленной тряпкой, которая сама давно стала куском черного дегтя. Раф был одним из первых строителей «Волны», он помнил времена, когда платформу собирали из трех полузатопленных сухогрузов посреди мертвого океана.

— Ты опять со своими предчувствиями? — буркнул он, не глядя на юношу. — У нас дизель на третьей барже перегревается, термометр уже в красной зоне. Трещину в картере латать надо, пока поршень не выбило. А ты мне про облака сказки рассказываешь.

— Через три часа, — настойчиво повторил Кай, поворачиваясь. Его голос звучал ровно, почти монотонно, лишенный всяких эмоций, кроме абсолютной убежденности. — Юго-восточный шквал. Сначала пойдет косой дождь, потом ударит порыв метров сорок в секунду. Нужно закрепить грузы на внешних подвесках, убрать легкие конструкции с верхних палуб и спустить водозаборные воронки ниже ватерлинии, иначе их сорвет и пробьет топливные танки.

Раф перестал тереть руки. Он задрал голову, всматриваясь в небо над кормой. Там свинцовое море действительно начало сгущаться в плотную, бугристую массу, закручивающуюся по краям в тугие спирали. Механик пожевал губу, посмотрел на свои фильтры тонкой очистки, чадающие едким дымом неподалеку, затем перевел тяжелый взгляд на Кая.

— Ладно, черт с тобой, утопленник, — наконец вздохнул он, принимая решение. Голос механика внезапно потерял свою обычную ворчливость и зазвучал хрипло, по-командирски. — Поднимай бригаду Плотников. Объявляй желтый код. Но если ты ошибся... Если твои кишки снова крутит от несвежей похлебки, а не от шторма... Будешь месяц чистить фильтры вручную, без респиратора. И начнешь прямо сейчас пойдешь помогать моему помощнику выгребать сажу из теплообменника.

Кай лишь коротко кивнул. Он развернулся и пошел вдоль борта, на ходу поднимая тревогу. Он не кричал — система оповещения «Волны» состояла из обрезка рельса и тяжелого молота. Первый глухой удар металла о металл поплыл над водой, вязкий и тревожный. За ним второй, третий. Люди, занятые рутинной утренней суетой — починкой сетей, торговлей плесневеющей мукой, разделкой выловленного днем мутировавшего тунца — замерли. Один удар желтого кода заставил их отложить дела. Три удара подряд заставили бегать.

Закипела лихорадочная работа. Мужчины и женщины выскакивали из своих железных капсул, затягивая узлы морских канатов размером с кулак. С верхней палубы полетели вниз сложенные навесы из брезента. Грузчики-мускулы, напрягая жилы на шеях, наваливались плечами на многотонные штабеля пустых бочек, вбивая под них деревянные клинья. Дети, тонкие и проворные, как обезьяны, карабкались по внешним фермам крепления, снимая личные вещи, вывешенные для просушки, и сворачивая кабели связи. Вода внизу уже не рябилась — она потемнела, пошла крупной зыбью и начала с глухими шлепками бить в борта выше обычного уровня. Нос лайнера «Царица морей» начал совершать первые глубокие, тошнотворные рыскания.

Через два с половиной часа после слов Кая небо окончательно затянуло непроницаемым черным саваном. Солнце исчезло полностью, будто его выключили поворотом гигантского рубильника. Резкий порыв ветра ударил сбоку, взметнув тучи соленых брызг, которые тут же замерзали ледяной коркой на одежде.

А потом мир раскололся. Ослепительная фиолетовая ветвь молнии перечеркнула небосвод, на мгновение высветив каждый болт, каждую царапину на ржавчине, каждую испуганную морщинку на лицах людей. Удар грома прокатился над «Волной» не звуком, а физической силой — вибрация прошла по костям, завибрировала в зубах, заставила застонать стальной остов старого танкера.

И обрушилась стена воды. Дождь был настолько плотным, что им невозможно стало дышать — казалось, океан просто перевернулся вверх дном. Порывы ветра достигли обещанной силы, пытаясь вырвать с мясом плохо закрепленные листы обшивки. Волны начали перекатываться через нижние палубы, смывая все, что не успели привязать.

Кай стоял у основания капитанского мостика, одной рукой намертво вцепившись в леер, а другой прижимая к груди найденный на дне вещевого трюма старый, бесполезный латунный компас. Ледяные струи хлестали его по лицу, одежда мгновенно промокла насквозь и тянула ко дну тяжелым панцирем. Он чувствовал, как огромная платформа содрогается всем своим многокилометровым телом, принимая удары стихии. Внутри него не было страха смерти — этот страх сгорел в нем еще в раннем детстве, когда он видел, как волна смыла целый жилой блок вместе с десятками соседей. Сейчас внутри плескалось лишь странное, звенящее спокойствие хирурга перед сложной операцией. Он сделал всё, что мог. Каждая тонна груза была закреплена, каждая легкая конструкция убрана с пути ветра, люди находились в относительной безопасности нижних отсеков. Платформа выдержит. Сегодня они не потеряют никого.

Сквозь рев бури он расслышал рядом тяжелое дыхание. Раф, пригнувшись и держась за трос, доковылял до него. Вода доходила механику до колен. Он ничего не говорил — просто встал плечом к плечу с мальчишкой, уперся сапогами в решетку палубы и мрачно уставился

на беснующуюся темноту. Когда очередная особенно крупная волна с оглушительным треком ударила в борт, подняв стену грязной пены, Раф вдруг хрипло, перекрывая шум, крикнул:

— Хорошая работа, жабры! — и, отвернувшись, побрел проверять натяжение главных швартовых, оставляя на палубе глубокие следы.

Глава 2. Мутация: первые признаки

Шторм выдохся так же внезапно, как и начался. На рассвете свинцовые тучи разорвались, пропуская тусклый, болезненно-желтый свет нового дня. Воздух пах озоном, гниющим пластиком и густой солью. Плавучий город «Волна» медленно приходил в себя после ночи абсолютного хаоса, тяжело покачиваясь на остаточной мертвой зыби.

Наступило время подсчета потерь — самый мрачный ритуал выживания.

Бригада механиков во главе с Рафом уже третий час возилась у разорванной сцепки между лайнером и баржей-складом. Стальной трос толщиной в запястье не выдержал натяжения и лопнул, хлестнув по надстройке так, что оставил глубокую рваную рану в металле. Несколько внешних платформ из легких контейнеров, закрепленных на периферии города, сорвало с креплений полностью. Сейчас они превратились в дрейфующий мусор, который постепенно относило течением к Мертвым отмелям — кладбищу затопленных небоскребов, где водились существа, способные перекусить человека пополам вместе с гидрокостюмом. Потеря этих платформ означала минус двадцать процентов от общих запасов сухого горючего.

Но страшнее была потеря урожая. На главной палубе гидропонные лотки перевернуло ветром. Глинистые потоки воды смыли в океан драгоценные клубни батата и хрупкие ростки сои. То, что осталось, почернело и превратилось в склизкую массу. Запасы еды сократились до критического минимума; совет капитанов сегодня вечером будет снова обсуждать урезание пайков вдвое. Среди обломков, круживших в маслянистой воде вокруг бортов, плавали не только куски пластика и сорванные двери. Волны принесли тела тех, кто жил на самых дальних баржах — их серые лица были спокойны, словно море просто забрало их спать.

Медпункт располагался в бывшем машинном отделении эсминца. Здесь было душно, жарко от работающих дизель-генераторов и стоял резкий запах антисептика, смешанного с застарелым потом и кровью. Кай спустился сюда не за помощью — его тело покрывали лишь синяки от ударов о леер, которые он почти не чувствовал. Он пришел узнать новости. В такие дни медпункт становился главным нервным центром города, куда стекалась информация обо всех увечьях.

Он протиснулся мимо очереди из порезанных канатами рыбаков и женщины с подозрением на перелом ребра. В углу, за брезентовой ширмой, отгораживающей импровизированную палату, сидела девушка. Лира. Ей было около шестнадцати, но под глазами легли глубокие тени хронического недосыпа. Обычно она работала сортировщицей в архивном отсеке, перебирая намокшие во время потопа бумажные книги, которые старик Илай считал священными. Сейчас она куталась в тяжелое шерстяное одеяло, хотя здесь было невыносимо жарко. Ее трясло крупной дрожью, которую невозможно было спутать с холодом.

Кай подошел ближе. Что-то в ее позе было не так. Она слишком сильно прижимала левую руку к животу, пряча ее в складках мокрой ткани. Когда она попыталась незаметно поправить одеяло, рукав задрался.

На внешней стороне предплечья, чуть ниже локтя, кожа переставала быть кожей. Едва заметные, цвета старого перламутра, полупрозрачные чешуйки проступали сквозь эпидермис. Они шли тремя ровными рядами вдоль лучевой кости, влажно поблескивая в свете аварийных ламп. Края чешуек были острыми, как битое стекло. Это не была болезнь или грязь. Это был первый, самый чистый признак глубокой мутации — начало перерождения тканей, которое шаман Илай называл «поцелуем глубин». Кай видел подобное раньше на рынках рабов в портовых трущобах дальнего востока: людей с жабрами на шеях или перепонками между пальцев клеймили раскаленным железом и продавали бригадам глубоководных ныряльщиков. Такие люди жили недолго.

Лира резко дернула рукой, натягивая рукав до кончиков пальцев. В ее глазах вспыхнул первобытный ужас загнанного зверя.

— Не смотри, — прошипела она, пытаясь вжаться в угол.

Кай мягко шагнул вперед, преграждая ей путь к отступлению, но стараясь выглядеть максимально открытым и безопасным.

— Не бойся, — тихо сказал он, понижая голос так, чтобы их не слышали пациенты за ширмой. — Я никому не скажу. И это не делает тебя хуже. Это просто... меняет правила игры.

Лира горько, совершенно не по-девичьи усмехнулась. Уголки ее губ дрогнули, обнажая полоску мелких, острых зубов — еще одно едва уловимое изменение прикуса, которого она сама, похоже, пока не замечала.

— Правила игры? — переспросила она с едким сарказмом. — В этом городе нет правил, Кай. Есть только баланс веса. Сила мышц механика Рафа, твоя способность предсказывать погоду, умение Марты варить питательный бульон из водорослей... Всё решает полезность. Мы живем на гигантских весах. Если одна чаша перевешивает, лишнее сбрасывают за борт. Как только эти штуки, — она кивнула на спрятанную руку, — начнут расти быстрее, когда изменится химия моей крови или я начну видеть в темноте, меня переведут из колонки «полезная» в колонку «опасная». А значит — либо выкинут в воду с камнем на шее во время следующей чистки балласта, либо посадят в изолятор кормового трюма. Там держат бешеных собак и тех, кого считают ходячей заразой. Оттуда никто не возвращается.

Она говорила об этом буднично, констатируя факт, и именно этот тон пугал больше всего. Это была математика выживания, лишённая всякой сентиментальности.

Кай смотрел на нее, и внутри него впервые за долгое время шевельнулось то самое чувство тяжести под ложечкой, которое обычно предвещало шторм. Но сейчас бури снаружи не было. Буря начиналась здесь, в душном чреве корабля. Он понимал каждое ее слово. Совет старейшин действительно имел негласный протокол для «отклонившихся»: изоляция ради общего блага. Страх перед неизвестной инфекцией или внезапной агрессией мутантов был сильнее эмпатии.

— Тогда мы найдем способ доказать, что ты полезна, — твердо пообещал Кай. Его голос звучал ровно, без капли сомнения. Он положил свою ладонь поверх ее сжатого кулака. — Новая эволюция дает не только чешую. Иногда она дает то, чего нет у других. Твои рефлексы ускорятся. Ты сможешь задерживать дыхание на полчаса. Может быть, научишься слышать движение косяков рыбы через стальной корпус. Мы придумаем тебе работу. Таковую, после кото-

рой капитан сам придет к Рафу и скажет, что без тебя «Волне» конец. Никто не посмеет сбросить за борт шестеренку, без которой остановится весь механизм.

Лира подняла на него взгляд. Впервые за все время в ее глазах вместо паники мелькнула крошечная, отчаянная искра надежды. Она слабо сжала его пальцы своими — пальцы тоже начали меняться, становясь непривычно длинными и цепкими.

— Ты не понимаешь, — шепнула она. — Оно распространяется. Чешуя — это только начало. Через неделю я могу проснуться с жабрами. Или с желанием жрать сырое мясо.

— Значит, будем учиться есть сырое мясо так, чтобы этого никто не видел, — отрезал Кай, хотя сердце пропустило удар. — Жди меня завтра после смены фильтровщика. У меня есть знакомый в навигационном кубрике. Нам понадобится карта течений.

Он развернулся и пошел к выходу, оставляя ее одну с ее страхами. Выбравшись на продуваемую промозглым ветром палубу, Кай остановился у борта, глядя на грязную воду. Он сдерживал обещания всегда. Для него это было вопросом базовой настройки личности, таким же естественным, как дыхание. Но сейчас, глядя на свои руки, покрытые обычными мозолями, он вдруг осознал ледяную тяжесть брошенных слов. Он обещал обмануть систему, построенную на паранойе и дефиците. Обещал защитить ту, чья биология теперь официально считалась угрозой обществу.

И он совершенно не представлял, насколько сложным окажется поиск места для монстра в мире, который и так держится на честном слове посреди бесконечного океана.

Глава 3. Совет кланов: борьба за власть

Совет кланов собирался в старом машинном отделении эсминца, которое теперь служило «Волне» сердцем и желудком одновременно. Это было единственное место на всей платформе, где можно было говорить без риска быть подслушанным сквозняками или акустикой палуб — низкий, утробный гул трех работающих дизель-генераторов надежно глушил любые голоса, превращая крики в едва различимый шепот.

Пространство между массивными турбинами заставили сваренными из арматуры креслами. В спертом воздухе висел густой смог от дешевого табака и запах перегретого машинного масла. Здесь не было места сентиментальности. На этих ржавых стульях сидели те, кто делил мир по праву сильного: главы пяти крупнейших вооруженных формирований города. Здесь решали, кому достанутся дефицитные антибиотики с разграбленного склада береговой охраны, какой клан получит право первыми отправить своих ныряльщиков в затопленные банковские хранилища старого Нью-Йорка, а кого завтра на рассвете отправят крепить тросы во время швартовки у Мертвых отмелей.

Во главе импровизированного стола, сколоченного из крышки торпедного аппарата, сидел Гросс. Лидер самого многочисленного и хорошо вооруженного клана «Стальной якорь». Он был огромен — гора мышц, обтянутая кожей цвета старой бронзы, покрытой сетью белесых шрамов. Его левый глаз заменял тусклый стеклянный протез, внутри которого при движении зрачка пересыпался мелкий песок (говорили, что это радиоактивная пыль из эпицентра первого удара). Гросс смотрел на остальных вождей с холодным, неприкрытым презрением хищника, вынужденного делить тушу с падальщиками.

— Мы потеряли две баржи со спиртом и половину гидропоники, — его голос звучал как скрежет камней. — Запас хода сократился, фильтры забиваются сажей вдвое быстрее из-за копти сгоревшего пластика, который несет ветром с юга. Мы не можем бесконечно латать эту посудину и кормить тех, кто не приносит пользы. Каждый лишний рот сейчас — это минус день жизни для всех остальных. Мутантов нужно выявлять и изолировать в кормовом трюме. Всех, до последнего ребенка с жабрами. Держать там, пока они либо не передохнут от собственной заразы, либо окончательно не озвереют и не станут реальной угрозой. Тогда мы просто заварим люки снаружи.

По рядам прошел одобрителный гул. Логика Гросса была жестокой, но математически безупречной для выживания замкнутой системы.

— Или использовать их, — лениво протянул Слепень, представитель клана «Тени волн». Этот человек напоминал высушенную змею. Он никогда не повышал голоса, предпочитая действовать чужими руками. Его люди контролировали черную торговлю и разведку течений. — Зачем выбрасывать инструмент только потому, что у него неудобная рукоять? Те, у кого меняется зрение, могут спускаться в затонувшие офисы без фонарей. Те, у кого перестраивается дыхательная система, смогут работать на глубине дольше наших лучших водолазов, экономя драгоценный сжатый воздух. Пусть мутанты вычищают ил из турбинных шахт. Они сильны, раз смогли выжить после Изменения. Выносливость — это тоже ресурс. А если один из них сойдет с ума и бросится на надсмотрщика... что ж, одним ртом станет меньше. Это эффективный менеджмент.

Кай стоял в глубокой тени у переборки, за широкой спиной одного из охранников Гросса. Он пришел сюда вопреки всем правилам — совет был закрытым, посторонних пускали лишь по прямому вызову. Но он знал повестку дня. Сегодня должны были обсуждать протокол изоляции. И имя Лиры уже наверняка значилось в списках медпункта. Он чувствовал, как костяшки пальцев немеют от напряжения. Если сейчас промолчать, позволить этим людям превратить ее в расходный материал или живой насос для откачки воды...

— Способности могут спасти город, — произнес Кай.

Его собственный голос показался ему оглушительно громким, перекрывшим даже рев генераторов. Десять пар глаз медленно повернулись в его сторону. Взгляд Гросса остановился на юноше, словно прожигая дыру в полумраке.

— Кто это там пищит? — Гросс слегка наклонил свою бычью голову. — Ах, мальчишка с предчувствиями. Тот самый шаманский ублюдок, из-за которого вчера Раф сорвал спину зря, таская бочки, которые никуда не уплыли. Твои кишки крутит перед дождем, парень, это еще не делает тебя пророком. Какую пользу ты принес сегодня, кроме расхода кислорода?

— Я предложил идею, которая сохранила нам груз на нижних палубах, — ровно ответил Кай, делая шаг вперед, выходя из тени под резкий свет переносной лампы. — И предлагаю то же самое сейчас. Не изоляция. Интеграция. Пусть те, у кого проявляются мутации, проходят проверку и помогают в разведке. Шторм показал слабые места нашей защиты. Нужны глаза, способные видеть сквозь стену дождя ночью. Нужна кожа, способная почувствовать изменение давления воды за секунду до того, как волна ударит в борт. Они чувствуют опасность лучше любых сканеров, потому что сами стали частью этой опасной стихии. Отправьте отряд мутан-

тов проверить дрейфующие обломки перед тем, как туда пойдут ваши люди. Вы сэкономите бойцов.

В зале повисла тяжелая, вязкая тишина, нарушаемая лишь чавканьем помп и треском статики в рации на поясе охранника. Идея Кая была дерзкой ересью. Она ломала всю социальную иерархию «Волны», где страх перед заражением был главным инструментом контроля.

Слепень первым нарушил молчание. На его тонких губах зазмеилась усмешка:

— Смело. Ты хочешь дать оружие тем, кто физиологически скоро перестанет быть людьми? Думаешь, чешуя остановит пулю, когда они решат забрать твою порцию еды?

— Пуля останавливает любого, — отрезал Кай. — Вопрос лишь в том, сколько пуль мне придется потратить. А мутант, который предупредит о цунами, спасет пять тысяч жизней разом. Включая вашу, лидер Слепень.

Кто-то из младших капитанов в дальнем углу нервно хохотнул, тут же осекшись под тяжелым взглядом Гросса. Другие задумались. Экономика риска всегда привлекала лидеров кланов больше, чем абстрактная мораль. Использовать мутантов как живых минных тральщиков в затопленных городах — это звучало не как акт милосердия, а как очень выгодная сделка.

Гросс долго молчал, играя желваками. Он переводил взгляд с ухмыляющегося Слепня на абсолютно спокойное лицо Кая. Наконец, лидер «Стального якоря» тяжело поднялся. Кресло под ним жалобно скрипнуло. Его огромная тень упала на Кая, заслонив лампу.

— Мальчишка лезет в дела взрослых, — медленно проговорил Гросс, обращаясь ко всему залу. — Он предлагает нам выпустить демонов из бутылки. Хорошо. Раз ты так печешься о новой породе людей, щенок, ты и будешь отвечать за свой эксперимент. Найди мне троих изменившихся. Живых, способных двигаться и понимать приказы. Приведи их сюда через три дня. Докажи, что твой план стоит моего времени и моих патронов.

Гросс сделал паузу, наслаждаясь моментом.

— А если они свернут тебе шею раньше, чем ты дойдешь до трапа... Что ж. Одним бесполезным ртом на «Волне» станет меньше. И мы вернемся к моему плану с изоляцией. Приступай, предсказатель.

Кай почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот, несмотря на духоту машинного отделения. Ему только что вручили смертный приговор с отсрочкой исполнения на семьдесят два часа. Но глядя на каменное лицо Гросса, он позволил себе самую крошечную улыбку. Три дня. За три дня он успеет поговорить с шаманом Илаем. Главное — вытащить Лиру из-под носа стражи до заката.

Глава 4. Глубины: спуск в руины

Спуск в затопленный город всегда напоминал похороны заживо. Это было самое рискованное предприятие, на которое могли пойти жители «Волны», и к нему прибегали лишь тогда, когда фильтры опреснителей забивались насмерть, а запасы антибиотиков иссякали полностью.

Они подошли к точке сброса на рассвете третьего дня — срока, который поставил им Гросс. Над водой висел густой, непроницаемый туман, пахнувший озоном и гнилью. В трид-

цати метрах под ними начинался мертвый сектор мегаполиса, который картографы платформы называли «Квадратом Двенадцати Башен». Видимость там была почти нулевой даже в ясный день из-за плотной взвеси токсичного ила, бетонной пыли и микроскопических частиц пластика. Солнечный свет умирал уже на глубине пяти метров, превращаясь в тусклую, болезненно-зеленую мглу. Но главная опасность крылась не в темноте. Среди перекрученных арматурных ферм и остовов затонувших машин прятались мутировавшие существа — слепые угри размером с питона, обладающие электрическим разрядом способным сварить человека внутри гидрокостюма, и бронированные твари, похожие на гибрид краба и глубоководного удильщика, чьи феромонные приманки сводили людей с ума за секунды.

Команда из пяти человек собиралась на кормовой аппарели эсминца. Здесь царила лихорадочная суэта. Механики во главе с Рафом заканчивали последние проверки самодельных костюмов для погружения. Это были чудовищные конструкции из склеенных слоев прорезиненной ткани, автомобильных камер и тяжелых свинцовых грузов, снятых со старых рыбацких сетей. Никакого чистого кислорода или надежных ребризеров — только ржавые баллоны со сжатым воздухом сомнительного происхождения, давление в которых проверяли по звуку удара гаечного ключа.

— Проверка герметичности! — рявкнул Раф, обходя команду. Его голос звучал глухо сквозь шерстяной подшлемник. Он лично прошелся по каждому креплению, дергая карабины страховочных тросов, которые связывали ныряльщиков в единую цепь. Первым шел он сам как самый опытный, вторым — Кай, замыкающим — огромный молчаливый грузчик по прозвищу Боров. Между ними определили Лиру.

Раф остановился перед девушкой, посветив мощным фонарем ей в лицо. Лира щурилась, но не отворачивалась. Под тканью ее костюма скрывалось теперь не только предплечье — тонкая перламутровая чешуя проступала на шее и скулах, становясь заметнее от холода. Ее глаза начали меняться: радужка расширилась, заполнив почти всю видимую часть белка, готовясь собирать каждый фотон скудного света.

— Слушай меня сюда, девочка, — прохрипел механик, затягивая пряжку на ее плече так туго, что кожа побелела. — Трос стальной, выдержит тонну. Но если твой баллон даст течь, если маску разобьют, или если ты просто почувствуешь, что легкие сейчас лопнут — никаких героизма и попыток спасти оборудование. Три резких рывка за фал я увижу. Дернешь четыре раза — мы обрежем тебя ко всем чертям, чтобы не утянуть остальных на дно. Поняла? Сразу всплывайте. Здесь не место для героических смертей. Герои в водедохнут первыми.

Лира медленно кивнула. Когда она надевала тяжелое стекло маски, ее движения были пугающе плавными, почти текучими. Костюм был для нее слишком громоздким, он мешал новой, стремительно перестраивающейся физиологии. Она повернула голову к Каю. Несмотря на искажающее стекло маски, их взгляды встретились. Воздух между ними потрескивал от статического напряжения — это работала способность Кая чувствовать искажение пространства, реагируя на изменения в клетках девушки.

— Я чувствую, что внизу что-то есть, — ее голос через ларингофон в маске прозвучал сухо и безжизненно. — Что-то большое. Оно спит, но его дыхание... оно занимает целый квартал. И оно не одно такое.

Кай поправил ремни своего собственного груза. На поясе у него висел тяжелый тесак для рубки водорослей, а за спиной — водонепроницаемый контейнер для находок. Он знал, что Лира говорит правду. Его дар предчувствия шторма трансформировался; теперь он ощущал

не падение давления воздуха, а «тени» в воде — массивные объекты, искажающие привычную геометрию дна.

— Я тоже знаю, — тихо ответил он, стараясь, чтобы микрофон не передал дрожь в голосе остальным членам команды. — Но у нас нет выбора. Если мы не достанем микросхемы четвертого класса защиты из серверной банка на пересечении Четвертой авеню, главный опреснитель сгорит к концу недели. Нас выпарят вместе с нашими собственными отходами. Нам нужны эти платы, Лира. Любой ценой.

Она ничего не ответила, лишь медленно моргнула. Третье веко — прозрачная мигательная перепонка — скользнуло по ее глазу горизонтально, защищая сетчатку от давления.

Боров опустил тяжелый чугунный люк трюма, отрезая их от гула генераторов «Волны». Наступила ватная тишина, нарушаемая лишь шипением стравливаемого воздуха из клапанов. Раф дал отмашку жестом, перехватил веревочный леер и шагнул в пустоту.

Холод ударил мгновенно, словно тысячи раскаленных игл вонзились под кожу. Вода приняла их в свои ледяные объятия, вышибая дух и обжигая легкие первой порцией сжатого, отдающего медью воздуха. Они погрузились. Свет мощных аккумуляторных фонарей выхватывал из абсолютного мрака лишь фрагменты прежнего мира, выглядевшие теперь как экспонаты музея конца времен.

Мимо проплыл перевернутый городской автобус. Его окна были целы, и казалось, что внутри все еще сидят силуэты пассажиров, навеки замершие в позах ужаса, покрытые толстым слоем бурых водорослей. Луч фонаря Кая мазнул по стене офисного небоскреба. Огромная стеклянная панель, некогда сиявшая рекламой газировки, заросла кораллами мертвого бетона и свисающими бородами черных гидр. Сквозь них виднелись ржавые вывески магазинов, буквы на которых давно облезли, оставив лишь жалкие железные скелеты слов.

Внизу простиралось кладбище надежд. Скелеты автомобилей, спрессованные давлением в бесформенные кубы металла, торчали из донного ила, словно надгробия. Пластиковая мишура новогодних украшений тридцатилетней давности всё ещё колыхалась на решетках вентиляции, жутковато фосфоресцируя в луче фонаря.

Чем глубже они уходили, тем сильнее менялось восприятие. Давление нарастало, закладывая уши и вжимая стекла масок в лица. Фонарь Кая начал выхватывать странные детали: толстые пучки синтетических кабелей, которые извивались сами по себе, пульсируя внутренним светом — колонии электрических полипов, переваривающих энергию старых городских сетей.

Трос между ними натянулся. Раф резко вскинул руку, приказывая остановиться. Он направил луч вниз, в черную расщелину между двумя провалившимися дорожными развязками. Там, в самом сердце тьмы, что-то огромное лениво шевельнулось.

Лира схватилась за трос второй рукой, ее пальцы с едва заметными перепонками побелели от напряжения. Она чувствовала это иначе — не глазами. Она слышала инфразвуковой гул огромного сердца, бьющегося глубоко под илом, и ощущала вкус чужой, древней ярости на языке. Эта тварь занимала площадь футбольного поля. Она действительно спала, переваривая остов рухнувшего моста, но любое неверное движение могло вырвать ее из этого тяжелого, многовекового сна.

Кай поднял ладонь, подавая сигнал остановке всей цепи. Он выключил свой основной фонарь, экономя заряд, и перешел на узкий тактический луч, направленный строго в ил перед собой. Сердце отсчитывало удары, отдаваясь в висках. До здания банка оставалось еще двести метров открытого пространства, заваленного хрупким стеклом и населенного смертью. Микросхемы лежали где-то там, в темноте, охраняемые существом, для которого пять человек в резиновых мешках выглядели не более чем назойливыми, хрустящими креветками.

Глава 5. Опасность под волнами

На глубине их ждал не только равнодушный мусор прошлого, но и его новые, безжалостные хозяева. Ил, поднятый их шагами, никак не желал оседать в стоячей воде, превращая пространство вокруг в густой суп из токсичной взвеси. Приходилось двигаться почти на ощупь, полагаясь лишь на искаженное эхо от ударов металла о бетон.

Лира первой заметила движение воды.

Ее измененная физиология работала как живой сонар. Она не столько видела, сколько чувствовала плотность среды всем телом через тонкую резину костюма. Сначала это была легкая дрожь в перепонках пальцев — смещение водных масс слишком быстрое для обычного течения. Затем пришел инфразвук: низкочастотный гул, который вибрировал прямо в ее черепной коробке, предупреждая о колоссальной массе, сдвинувшейся с места где-то во мраке слева по борту. Огромное существо начало складываться, меняя геометрию своего тела, готовясь к броску.

— Назад! — крикнула она в ларингофон, хотя прекрасно понимала, что под водой слова были бессмысленны. Звук остался заперт внутри маски, превратившись в глухую вибрацию.

Она рванула страховочный трос так сильно, что у Кая, идущего вторым, лязгнули зубы, а Боров впереди едва удержал равновесие, взметнув облачко ила. Команда начала судорожно пятиться, перебирая руками по стальному фалу, пытаясь вернуться в узкий проем затопленной подземной парковки, откуда они пришли.

Но древний хозяин этих руин был быстрее.

Он не атаковал сверху или снизу — он возник прямо из мутной стены перед ними, словно сама тьма обрела плоть. Гигантский кальмар-мутант, чьи предки когда-то обитали в Марианской впадине, поднялся со дна. Его мантия достигала размеров городского автобуса, а кожа переливалась трупным, мертвенно-бледным свечением биолюминесценции. Но самым страшным были щупальца. Они выстрелили вперед с пугающей скоростью, которой позавидовала бы кобра, и каждое из них было усеяно рядами ядовитых костяных шипов длиной с палец взрослого мужчины. Шипы сочились маслянистой жидкостью, которая при контакте с водой начала дымиться — нейротоксин чудовища мгновенно парализовал добычу, растворяя нервную ткань.

Один из водолазов чужой команды — тот самый Сивый, представитель клана «Тени волн», шедший крайним справа — оказался на пути выброса. Он даже не успел вскрикнуть. Тонкое, эластичное щупальце хлестнуло вбок, обвив его ногу стальной хваткой. Острые шипы легко прошили слои прорезиненной ткани и впились в плоть. Мужчина рухнул навзничь, выпу-

стив из рук контейнер с инструментами; его рука в панике забилась над головой, подавая отчаянный сигнал бедствия — пять рваных рывков, означающих гибель.

Кай действовал на чистых рефлексах, опережая собственную мысль. Время снова замедлилось, растягиваясь в патоку — побочный эффект его дара, обострившийся до предела от переизбытка адреналина. Он видел, как медленно, мучительно медленно сжимаются присоски на щупальце, втягивая ногу Сивого глубже в пасть твари. Видел, как пузыри воздуха вырываются из поврежденного шланга второго ныряльщика.

Кай отпустил основной фал. Оттолкнувшись от бетонного блока, он ушел чуть вправо, уходя из зоны прямой видимости ослепленного страхом Борова. Свободной рукой он сорвал с пояса пневматический гарпун — тяжелое, кустарно собранное оружие, работающее на сжатом воздухе из запасного баллона. Прицеливаться в такой мути было самоубийством. Кай целился не глазами, а тем же чувством пространства, которое предсказывало штормы. Он чувствовал массу существа, пустоту его головы-груди и натяжение мышц перед ударом.

Выстрел прозвучал глухим хлопком, быстро поглощенным толщей воды. Тяжелый титановый наконечник с привязанным к нему тонким линем скрылся во мраке. Удар пришелся точно в цель — в хрящевое кольцо сразу за пучком глаз моллюска, туда, где нервная система была наиболее уязвима. Гарпун вошел по самую перекладину.

Существо издало беззвучный вопль боли. Вся колонна воды вокруг резко содрогнулась. Щупальце, державшее Сивого, конвульсивно дернулось. Острая боль заставила монстра разжать хватку; зазубренные шипы вышли из ноги водолаза, оставив три глубоких, кровоточащих борозды, из которых тут же начал пузыряться воздух — костюм дал течь. Сивый камнем пошел ко дну, оглушенный болью и нахлебавшийся воды.

Огромные глаза твари повернулись к Каю. В них не было ни страха, ни ярости — лишь холодное, древнее недоумение. Монстр сложил щупальца для защиты и выпустил облако чернил.

Это был не просто краситель. Это был химический коктейль. Густая, абсолютно непроглядная завеса черного цвета рванулась во все стороны, заполняя собой всё пространство между разрушенными стенами. Но хуже всего был запах — даже сквозь фильтры респираторов Кай ощутил едкую вонь жженных волос и синтетики. Чернила содержали агрессивную кислоту. Если липкая масса коснется резины костюма дольше чем на пару секунд, она проест её до кожи.

Мир исчез. Исчезли фонари, исчезли силуэты товарищей, исчез сам океан. Осталась только абсолютная, бархатная слепота и паника.

— Цепь! Держать цепь! — прохрипел Раф по внутренней связи, его голос срывался. — Не отпускать фал! Идем на звук!

Они двигались вслепую, цепляясь друг за друга. Лира схватила Кая за предплечье мертвой хваткой, направляя его. Ее зрение позволяло видеть тепловые контуры сквозь химическую завесу — для нее тело Кая светилось тусклым оранжевым пятном на фоне ледяной воды. Она тянула его назад, к пролому в стене.

Позади них гигантское существо билось в агонии, круша бетонные перекрытия парковки своим весом. Каждое его движение отдавалось мощным гидравлическим ударом, швырявшим людей из стороны в сторону. Один из тяжелых потолочных блоков рухнул в метре от группы, подняв новое облако пыли.

Выбраться удалось чудом. Раф, ориентируясь на слабую вибрацию натянутого якорного каната, ведущего к поверхности, буквально вытолкнул последнего бойца из пасти подводной западни. Подъем казался бесконечным. Легкие горели огнем, требуя вдоха, которого нельзя было сделать. Давление постепенно отпускало барабанные перепонки, сменяясь острой, режущей болью.

Когда голова Кая наконец пробила поверхность воды в кормовом люке эсминца, он сделал свой первый за долгие минуты вдох, и этот глоток сырого, вонючего машинного отделения показался ему божественным нектаром. Механики лебедкой вытащили его на решетчатую палубу, следом подняли остальных.

Все были бледны той особенной восковой бледностью утопленников. Их костюмы были покрыты дырами, прожженными кислотой, лица залиты потом и слезью, а нога Сивого представляла собой кровавое месиво, перетянутое жгутом из провода. Сам водолаз кашлял, выхаркивая воду вперемешку с желчью, но был жив.

Раф тяжело опустился на ржавый настил, стаскивая маску. Его плечи тряслись не от холода, а от отходняка после смертельного риска. Он посмотрел на свои руки, затем перевел взгляд на, Кая. В глазах механика больше не было привычного цинизма или желания отправить мальчишку чистить фильтры. Там было нечто похожее на уважение пополам с ужасом.

Кай лежал на спине, глядя в серый потолок трюма, и пытался унять дрожь в пальцах. Каждый мускул болел, легкие саднили, а кожу под резиной нещадно жгло от попавших капель чернил. Он закрыл глаза, ожидая, пока мир перестанет вращаться.

Рядом тихо застонала Лира. Она сидела, привалившись к переборке, и осторожно ощупывала свою шею. Чешуя там стала горячее и выступила сильнее — реакция организма на стресс и отравленную воду.

Внезапно Боров, молчавший всю дорогу наверх, неуклюже пошевелился. Он подтянул к себе спасательный контейнер, который умудрился не выпустить даже во время атаки. Дрожащими пальцами в толстых перчатках он щелкнул замками. Внутри, плотно уложенные в промасленные гнезда среди ветоши, лежали они. Материнские платы серверов банка. Девять идеально ровных прямоугольников из зеленоватого текстолита с золотыми дорожками контактов. Абсолютно сухие, целые, драгоценные микросхемы четвертого класса защиты. Ради одной такой плата можно было купить шлюпку. Ради девяти — оплатить ремонт опреснителя и закрыть вопрос пайков на месяц вперед.

Палатка медпункта наполнилась тяжелым дыханием выживших. Никто не улыбался. Никто не праздновал победу. Они потеряли часть снаряжения, получили тяжелые раны и химические ожоги, а двое из них навсегда останутся инвалидами после встречи с темнотой. Но они принесли городу будущее. Выбравшись из ада на дне, живые и помятые, они выполнили приказ Гросса. Цена этой платы теперь измерялась не в золоте, а в крови, оставленной на рифах мертвого города.

Глава 6. Радиационная зона: цена ресурсов

Не все мертвые зоны вокруг «Волны» были одинаково враждебны. Затопленные кварталы пугали своей непредсказуемостью, хищной фауной и ледяным мраком, но там хотя бы можно было дышать полной грудью, если фильтры справлялись с токсинами. Настоящий ужас вызывали другие места — сухие, выжженные участки суши, где во время Великого Коллапса взорвались атомные подстанции или хранилища изотопов.

Эти районы до сих пор излучали смерть. Геигтеры на поясах разведчиков здесь не щелкали — они заходились непрерывным, истеричным треском, напоминающим звук разрываемой бумаги. Воздух в таких местах был густым, тяжелым, пах озонем и горячим металлом даже спустя десятилетия после удара. Пепел сожженного города здесь смешался с кремниевой пылью, превратив почву в серую, хрустящую корку, которая светилась тусклым багровым светом по ночам. Сюда ходили только в тяжелых свинцово-резиновых скафандрах старого образца, которые весили больше самого человека. Поход в радиационную зону всегда был билетом в один конец для тех, чей костюм давал микротрещину.

На четвертый день после возвращения со дна Раф собрал группу у аппарели. Задача была предельно ясной и оттого пугающей. Главный опреснитель всё же начал сбоить, а резервные генераторы доживали последние часы. Нужны были литий-третиевые аккумуляторы промышленного класса. Такие использовались на старых военных базах связи; их корпуса были способны выдержать прямое попадание электромагнитного импульса и десятилетиями работать в условиях жесткого излучения. Ими буквально вымощена была старая электростанция «Голиаф», торчавшая ржавым шпилем в десяти километрах к северу от плавучего города.

Группа состояла всего из трех человек: Рафа, Кая и молчаливого техника по имени Йенс, чья кожа уже навсегда приобрела желтоватый оттенок от постоянных ремонтов вблизи реакторного отсека эсминца. Они выглядели как рыцари в неуклюжих доспехах. Тяжелые шлемы с круглыми желтыми стеклами сужали обзор до узкой щели, внутри костюмов постоянно пищали индивидуальные дозиметры, задавая ритм их шагам.

Старая моторная лодка, собранная из половинки катера береговой охраны, чихая вонючим дизелем, доставила их к обугленному пирсу. Как только Кай ступил на бетонную плиту, он почувствовал это сквозь толстую подошву ботинок скафандра. Земля вибрировала. Это была не дрожь моторов. Сама планета здесь тяжело, болезненно дышала.

Его дар мутировал вместе с ним. Если раньше он чувствовал лишь давление воздуха и воду, то теперь его нервная система стала антенной для любых энергетических аномалий. Он ощущал радиацию не как абстрактную цифру на приборе, а как миллионы крошечных раскаленных игл, впивающихся прямо в костный мозг. Его собственная кожа, пока еще чистая, начала покалывать от статического напряжения, скопившегося в мертвом воздухе. В груди, чуть ниже солнечного сплетения, появилась знакомая тяжесть — предвестник катастрофы, но сейчас она была иной. Она была глухой, вязкой, словно кто-то залил ему легкие расплавленным свинцом.

— Чувствуешь? — голос Рафа в динамиках шлема звучал сухо и безжизненно. Механик остановился, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. Его массивный дозиметр, закрепленный на плече, показывал критические значения, стрелка билась о красный ограничитель.

Кай кивнул, забыв, что за стеклом шлема этого не видно.

— Да. Зона расширяется. Фундамент станции проседает, защитный саркофаг дает трещины. Мы идем над кипящим котлом.

Они двинулись вперед, высоко поднимая ноги, чтобы не поднимать радиоактивную пыль. Каждый шаг отзывался скрипом бетона и шелестом осыпающегося пепла. Руины офисного центра «Голиаф» представляли собой сюрреалистический лес из перекрученной арматуры и застывших стеклянных водопадов. Внутри главного зала управления, куда они пробирались через заваленный эвакуационный выход, царил хаос. Сотни мониторов давно выгорели, оставив черные пластиковые лица, а кресла операторов были покрыты толстым слоем серой пыли, сохранившей очертания тел людей, пытавшихся спрятаться от взрыва тридцать лет назад.

Аккумуляторы находились в нижнем ярусе, в экранированном бункере. Раф работал быстро, его огромные руки в толстых перчатках ловко откручивали заржавевшие болты защитных кожухов. Йенс подсвечивал ему мощным фонарем, стараясь держаться подальше от открытого распределительного щита, который всё еще тихонько гудел, потрескивая невидимыми разрядами.

Кай остался стоять у дверного проема, контролируя коридор. Он смотрел на свой наручный хронометр. Секундная стрелка дергалась рывками, каждая секунда отдавалась ударом в висках. Время здесь текло иначе — оно становилось липким, тягучим, растягивая мгновения в часы. Каждая лишняя минута пребывания в этой духовке необратимо разрушала их ДНК, превращая кровь в кислоту.

— Ещё пять минут, — прохрипел Раф, когда последний тяжелый блок размером с кирпич упал в их транспортировочный контейнер. Металл едва слышно загудел от накопленной энергии. — Закрываем крышку и уходим. Доза растет каждую секунду, мы уже перебрали лимит безопасности вдвое.

Но время тянулось бесконечно. Пять минут превратились в вечность. Йенс поскользнулся на куче битого стекла, громко выругавшись. Звук в замкнутом пространстве шлема ударил по барабанным перепонкам. Когда они наконец выбрались обратно в главный зал, направляясь к пролому в стене, ведущий наружу, Кай понял, что почти не чувствует ног.

Тяжесть в груди сменилась тошнотой. Перед глазами поплыли темные пятна, несмотря на яркое солнце снаружи. Внутренний счетчик Гейгера в его голове — этот новый, пугающий орган чувств — кричал о перегрузке. Он слишком близко подошел к эпицентру, пытаясь интуитивно найти путь среди рухнувших перекрытий, и поймал «горячую частицу».

Когда они достигли лодки и механики лебедкой втянули их драгоценный, смертоносный груз на борт, Кай позволил себе прислониться спиной к горячему борту. Лодка отошла от пирса. Только тогда Раф дал команду на декомпрессию.

Йенс помог Каю снять тяжеленный шлем. Поток относительно свежего, влажного морского воздуха ударил в лицо, принося временное облегчение. Затем пришла очередь верхней части скафандра. Лира ждала их на палубе «Волны». Она не участвовала в вылазке — совет запретил ей приближаться к источникам жесткой радиации, боясь, что мутация вступит в непредсказуемую реакцию с облучением.

Как только замок грудного сегмента щелкнул, девушка принялась расстегивать тугие ремни на плечах Кая. Ее пальцы двигались быстро и уверенно.

— Ты слишком близко подошёл к зоне, — прошептала она, стаскивая с него тяжелую свинцовую накладку. Её голос дрогнул. Она смотрела не на его лицо, а на внутреннюю подкладку костюма. Там, на уровне его левого легкого, ткань пожелтела и пошла мелкими трещинами — материал не выдержал вторичного излучения, которому подвергся юноша. — Я чувствую запах... Запах горелого мяса и озона. От тебя фонит так, что у меня чешуя на спине нагревается. Ты мог погибнуть. Прямо там, стоя на ногах.

Кай оперся о фальшборт, жадно глотая воздух. Желудок скрутило спазмом, но он заставил себя выпрямиться. Он старался не показать, насколько ему плохо, не желая давать Гроссу повод назвать его слабым звеном перед лицом других кланов. Губы пересохли и покрылись белой пылью.

— Но мы достали аккумуляторы, — ответил он, и собственный голос показался ему чужим, идущим издалека. — Опреснитель запустится завтра утром. Город проживет еще месяц.

Лира ничего не ответила. Она просто помогла ему стащить остатки костюма, подставила плечо, принимая на себя часть его веса, и повела прочь от причала — туда, где медпункт, горячий душ, способный смыть поверхностную пыль, и лошадиные дозы йода могли хоть немного отсрочить ту цену, которую им всем рано или поздно придется заплатить за ресурсы мертвого мира.

Глава 7. Встреча с горцами: стена и недоверие

Горные поселения, которые выжившие из долин высокомерно называли «Ковчегами», выглядели не как убежища, а как памятники паранойе. Если плавучий город «Волна» был воплощением хаоса, отчаянной попыткой зацепиться за остатки старого мира посреди воды, то твердыня клана «Солнечный пик» была символом абсолютного отказа от прошлого.

Они стояли на вершине изъеденного эрозией плато, словно выросшие прямо из камня. Массивные стены высотой в десять метров были сложены из железобетонных обломков рухнувших небоскребов, залитых заново схватившимся цементом и армированных костями гигантских мутировавших существ. Каждая башня оцетинилась пулеметными гнездами, стволы которых постоянно поворачивались вслед за лодками делегации, медленно идущими по обмелевшей реке вдоль подножия скалы.

Подъем занял почти полдня. Когда делегация «Волны» — всего двенадцать человек под белым флагом перемирия, сделанным из старой простыни, — наконец ступила на каменную площадку перед главными воротами, их встретили запахом раскаленного металла, озона от солнечных батарей и стерильной чистотой. Здесь не было ни запаха гниющей рыбы, ни вони дизельных выхлопов. Воздух пах медью и холодом.

Их заставили ждать. Делегаты стояли под палящим солнцем у исполинских стальных створок, пока тени от сторожевых башен не сдвинулись на три ладони. Никто не предлагал им воды. Стража в тяжелых кожаных доспехах, украшенных волчьими черепами, смотрела сквозь них пустыми глазами людей, привыкших нажимать на спусковой крючок без колебаний.

Наконец ворота дрогнули и поползли в стороны с оглушительным скрежетом. На вершине внешней стены появился Старейшина. Это был высохший старик с кожей, похожей на пергамент, туго натянутый на кости, но его спина оставалась идеально прямой. Он стоял в тени широкого зонта, который держал над ним мальчик-послушник, и смотрел на пришельцев сверху вниз с высоты добрых пятнадцати метров. Ветер трепал его седые волосы, открывая высокий лоб, пересеченный глубоким шрамом.

— Зачем вы пришли? — голос Старейшины, усиленный рупором, звучал глухо, как треск сухого дерева. Он даже не пытался скрыть скуку. — У нас нет лишнего. Каждый литр чистой воды здесь собирается по каплям со сталактитов. Каждый колос пшеницы полит нашим потом. Мы не кормим паразитов с нижних земель.

Вперед шагнул Томас — старший дипломат «Волны», единственный человек на платформе, умевший носить остатки довоенного костюма так, чтобы выглядеть внушительно, а не жалко. Его лицо было покрыто ровным слоем белой пыли — защитного мела, которым они мазались для переговоров с жителями суши.

— Нам нужны семена устойчивого к плесени зерна и антибиотики последней генерации, — произнес он четко, протягивая вверх планшет с голографическими проекциями. — Наш урожай гибнет, люди умирают от сепсиса после каждой царапины. Мы готовы предложить равноценный обмен. Технологии. Детали для ваших ветрогенераторов. Системы очистки воздуха, которые мы сняли с бортовых компьютеров затонувшего авиалайнера. Наши инженеры могут наладить ваше энергоснабжение до довоенных стандартов.

Старейшина даже не взглянул на мерцающую голограмму. Уголки его губ тронула горькая, ядовитая усмешка человека, давно уставшего слушать одно и то же.

— Технологии? — переспросил он, и в его тоне прозвучало нескрываемое презрение. — Те самые технологии, что позволили вам строить лайнеры размером с квартал, сжигать небо ради удобства и создавать алгоритмы, запустившие ракеты друг в друга? Вы просите у нас лекарство для болезни, которую сами же и создали. Вы утопили мир в кислоте и огне, спаслись на своих ржавых коробках, выжирали всё живое в океане вокруг себя, а теперь поднимаете голову и просите хлеба у тех, кто остался стоять на твердой земле. Нет. Мы живем по другим законам. Закону достаточности. Закону тишины.

Он махнул сухой рукой. Звук этого хлопка показался Кай громче недавнего шторма.

— Проводите их обратно к лодкам. И если я увижу ваши паруса на горизонте снова без официального вызова совета анклавов, мои лучники будут использовать ваши лодки для тренировки в стрельбе по движущимся мишеням.

Стража сделала шаг вперед, клацнув затворами арбалетов. Переговоры, ради которых Кай пожертвовал своим здоровьем в радиационной зоне, провалились, даже не начавшись.

Делегацию начали теснить обратно к выходу. Томас побагровел, пытаясь что-то доказать, размахивая руками, но его слова тонули в скрипе закрывающихся ворот.

Кай стоял чуть позади остальных, опустив руки. Он не участвовал в торгах — Гросс отправил его лишь как живой талисман, напоминание о том, что внизу тоже есть полезные ресурсы, если уметь их брать. Сейчас юноша смотрел не на стражу и не на оскорбленного дипломата. Он смотрел на стену.

Его пальцы машинально сжались в кулак, ногти впились в ладонь. Камень под ногами вибрировал иначе, чем вода. Вода всегда говорила о движении, о переменах, о силе, которая может как накормить, так и убить. Камень говорил о смерти. Эти стены были построены не просто для защиты от мутантов или рейдеров. Они были воздвигнуты против самой идеи связи.

Раньше человечество строило мосты. Сложнейшие инженерные конструкции из стали и бетона, чтобы перешагнуть через пропасть, соединить острова, объединить рынки и культуры. Мост требовал доверия: ты должен верить, что архитектор правильно рассчитал нагрузку, а строитель не сэкономил на цементе. Мост — это символ надежды на то, что на другом берегу тебя ждет нечто большее, чем просто продолжение твоего берега.

Теперь люди строили только стены.

Кай провел взглядом линию горизонта. Там, где бетонная твердыня горцев врезалась в блеклое небо, стояла автоматическая турель. Мир окончательно разделился на «нас» и «них». Океан больше не объединял континенты — он стал непреодолимым рвом между замками эгоизма. Горцы считали жителей «Волны» грязью, недостойной глотка чистого воздуха. А жители «Волны» считали горцев зажавшимися снобами, прячущимися от последствий собственной истории.

В этот момент тяжесть в груди Кая, оставшаяся после похода в радиационную зону, сменилась холодной, звенящей ясностью. Шаман Илай ошибался. Никакого «нового единства» не будет. Не будет великой земли обетованной, где все мутации сольются в совершенную форму жизни. Старейшина прав в одном: старый мир умер не из-за бомб. Бомбы были лишь следствием. Мир умер потому, что каждый начал строить свою собственную стену.

Когда тяжелые створки с лязгом сомкнулись за их спиной, отрезав солнечный свет верхнего плато, Кай почувствовал, как Лира осторожно коснулась его локтя. Она шла рядом, закутанная в плотный плащ, хотя солнце пекло нещадно — ее измененная кожа болезненно реагировала на жесткий ультрафиолет горных вершин.

— Ты знал, что так будет? — тихо спросила она, кивком указывая на закрытые ворота. — Что они плюнут нам в лицо?

Кай перевел взгляд с мертвого железного монолита обратно на серую ленту реки, где их ждала лодка.

— Я чувствовал закрытость, — честно ответил он. — Камень там слишком тяжелый. Он давит на легкие. Но дело не в этом... — Он посмотрел на свои руки, на въевшуюся под ногти грязь нижнего мира. — Дело в том, что мы идем не туда. Мы пытаемся купить будущее у призраков прошлого. Мы просим семена у тех, кто охраняет кладбище. Нам не нужен их хлеб, Лира. Нам нужно научиться выращивать свой собственный. Даже если для этого придется спуститься еще глубже во тьму.

Лира ничего не ответила, но ее рука крепче сжала его предплечье. Впервые за долгое время она сняла перчатку, и ее полупрозрачная чешуя поймала блик солнца, отразив его сотней крошечных радуг. В мире стен и недоверия эта радужная вспышка казалась единственным настоящим чудом.

Глава 8. Оружие нового времени

В недрах плавучего города, в лабиринтах нижних палуб бывшего танкера, располагались мастерские — истинное сердце «Волны». Здесь не было ни запаха гниющих водорослей, ни вони человеческих тел, свойственной верхним уровням. Воздух здесь гудел от напряжения сварочных аппаратов, пах озоном, раскаленным металлом и едким машинным маслом. Это был храм Рафа, где старое обретало новую, зачастую куда более жестокую жизнь.

Под низким потолком, с которого постоянно капала конденсатная вода, висели десятки самодельных ламп. Их свет выхватывал из полумрака стеллажи, заставленные трофеями: ржавыми корпусами автоматов Калашникова времен Старого Союза, разобранными винтовками М-16, помповыми ружьями и причудливыми гибридами, собранными из деталей трех разных оружейных систем. На соседних столах покоились артефакты погибшего мира технологий — линзы от промышленных дронов-геологов, сервоприводы от хирургических роботов, моторы от детских игрушек, которые теперь приводили в действие лебедки для подъема тяжелых сетей.

Автоматы оснащали тяжелыми интегрированными глушителями, наспех скрученными из автомобильных масляных фильтров и стружки титана, добытой из обшивки самолетов. Винтовки получали новые ложа из армированного карбона и прицелы, снятые с разведывательных квадрокоптеров; оптика этих камер позволяла видеть тепловые сигнатуры цели сквозь стену дождя или плотный туман радиоактивной пыли.

Раф стоял у массивного верстака, закрепленного прямо на переборке. Его торс был обнажен по пояс, блестя от пота, а руки по локоть были испачканы в черной смазке. Он колдовал над устройством, которое со стороны напоминало смесь строительного пистолета для забивания шпилек и переносной ракетной установки.

— Смотри сюда, утопленник, — прорычал механик, не отрываясь от работы. Он щелкнул тяжелым затвором. — Видишь этот поршень? Мы сняли его с гидравлической двери банковского хранилища. Пружина — из подвески грузовика-рефрижератора. Закаляли сами, трое суток жгли дизель, чтобы довести до нужной вязкости.

Он протянул Каю тяжелый гарпунный механизм. Устройство весило килограммов восемь, хотя выглядело компактным. Ствол был обмотан кожаным шнуром для лучшего хвата, а казенная часть заключена в грубый стальной кожух.

— Это не игрушка для охоты на тунца, Кай, — голос Рафа стал серьезным, в нем исчезли привычные ворчливые нотки. В мастерских он говорил тише, словно боясь спугнуть дух машины. — Наконечник сделан из карбида вольфрама. Выточен из сверла буровой платформы. Если выставить давление на максимум, эта штука прошьет насквозь панцирную броню мутировавшего осетра-молота с тридцати метров. А если встретишься с рейдерами Гросса, им понадобится бронешит толщиной в палец, чтобы остановить этот болт. Отдача такая, что ключицу сломает неподготовленному человеку, так что держи крепче и всегда отставляй ногу назад.

Кай принял оружие двумя руками. Металл был холодным и странно живым. Он провел большим пальцем вдоль тяжелого ствола, чувствуя мельчайшие зазубрины ручнойковки. Механизм был безупречен — грубоватый, лишенный эстетики довоенного оружия, но смертоносно эффективный. Юноша передернул затвор. Клацанье прозвучало сухо и окончательно, как звук захлопнувшейся крышки гроба. Он заглянул в оптический прицел, приоткрытый к планке сверху синей изолентой. Картинка была четкой, хоть и немного зеленоватой.

— Зачем нам столько оружия? — тихо спросил Кай, не поднимая головы от окуляра. Вопрос вырвался сам собой, рожденный тяжестью последних дней. — Разве мы не должны искать мир? Томас пытался договориться с горцами. Ты рисковал жизнью ради аккумуляторов, чтобы запустить системы жизнеобеспечения. Мы чиним фильтры, лечим детей... Вся эта сталь, все эти пороховые газы — они ведут обратно в ту же пропасть, из которой мы едва выбрались.

Раф замер с куском ветоши в руках. Он медленно положил ее на край верстака, вытер ладони о грязные штаны и оперся бедром о ящик с инструментами. Впервые за долгое время он посмотрел на Кая не как старший механик на помощника, а как уставший отец на слишком быстро повзрослевшего сына.

— Мир, парень... — Раф издал короткий, лающий смешок, в котором не было ни капли веселья. — Мир — это роскошь. Самая дорогая вещь на этой планете. Дороже чистого плутония. Доре живой земли. Дешевле него только человеческая жизнь, которую мы тут почти списали в утиль.

Он подошел ближе, забрал у Кая гарпун, взвесил его на руке и прислонил к верстаку.

— Посмотри вокруг, ясновидец, — продолжил механик уже без злобы, с пугающей, холодной усталостью. — Что ты видишь? Вода поднимается. Горцы сидят на своих горах, как стервятники, и ждут, когда мы начнем тонуть быстрее, чтобы спуститься и добить выживших ради наших насосов. Рейдеры режут друг друга за канистру бензина. А под килем нашей лоханки спит тварь размером с квартал, которая однажды просто решит почесать спину о нашу платформу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.